

Б.Х. Толеубекова, Т.Б. Хведелидзе, Н.Б. Калкаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы,
Казахстан

(E-mail: madina_khv@mail.ru, khvedelidze_tima@mail.ru, nesibeli77@mail.ru)

Новые аспекты в казахстанском подходе к построению антикоррупционной политики

Аннотация. Антикоррупционная политика Казахстана занимает важное место в структуре общенациональной политики государства противодействия преступности.

Цель исследования: выявление преимуществ нового подхода к построению государственной антикоррупционной политики, выраженной в краткосрочной концепции противодействия, по сравнению с долгосрочной стратегией борьбы, которой ранее Казахстан придерживался.

Основные методы исследования: сравнительное описание подходов и результатов казахстанской антикоррупционной политики: построение рабочей гипотезы перспектив дальнейшего усовершенствования новой модели антикоррупционной политики в условиях перехода от стратегии к концепции.

Достигнутые результаты: концептуализация антикоррупционной политики страны по сравнению со стратегией является более результативной в силу ее гибкости, позволяющей своевременно реагировать на любые изменения, способствующие росту коррупциогенности.

Ключевые слова: подходы к построению антикоррупционной политики, зоны коррупционных рисков, стратегия и концепция противодействия коррупции.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6844-2023-142-1-59-80>

Введение

Актуальность исследования обусловлена принятием нового государственного акта – Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы, утвержденной Указом Президента РК от 2 февраля 2022 года № 802 [1] (далее – Концепция), с одновременным отказом от Антикоррупционной стратегии

Республики Казахстан на 2015-2025 годы, утвержденной Указом Президента РК от 26 декабря 2014 года № 986 [2] (далее – Стратегия). Упразднение Стратегии осуществлено тем же Указом Президента РК, которым была утверждена Концепция. До окончания времени действия Стратегии оставалось немногим более 4-х лет. Но уже было очевидно, что реализация Стратегии не принесет ожидаемых результатов,

коррупция охватила высшие эшелоны власти, государственный и общественный контроль над нею утерян, а в ближайшей перспективе ожидается окончательный развал экономики, крайнее обнищание населения страны, потеря Казахстаном международного авторитета. Трагические события января 2022 года продемонстрировали настоящую сущность экономической политики прежней власти, построенной на идеологии личного обогащения в ущерб интересам страны и народа.

Актуальность возрастает в контексте изменений в подходах к построению антикоррупционной политики, ранее заключавшейся в долгосрочной стратегии борьбы с коррупцией, к концептуализации антикоррупционной политики, состоящей в противодействии коррупции, а не в борьбе с нею.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы следующие материалы:

- законодательство Республики Казахстан по вопросам борьбы и противодействия коррупции за последние 25 лет: Закон Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» от 2 июля 1998 года № 674 [3]; Закон Республики Казахстан «О государственной службе» от 23 ноября 2015 года № 416-V [4]; Закон Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V [5]; Закон Республики Казахстан «О государственных закупках» от 4 декабря 2015 года № 416-V [6]; а также иные законы РК;

- антикоррупционные

Цель исследования: обоснование преимуществ нового подхода Казахстана: от долгосрочного стратегического планирования антикоррупционной политики к краткосрочной концепции.

Для достижения цели авторами решены следующие задачи:

1. Анализ и оценка места Казахстана в страновой антикоррупционной политике на постсоветском пространстве.

2. Влияние причин роста коррупции в Казахстане на изменение подходов к построению политики противодействия ей.

3. Критический анализ планирования Правительством РК мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы и причины ее низкой эффективности.

государственные акты: Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы [2]; Планы мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на периоды: 2015-2017 годы [7]; 2018-2020 годы [8]; 2021-2023 годы [9]; Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы [1]; Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года [10], а также иные акты, отражающие вопросы государственной антикоррупционной политики;

- данные международных рейтингов по индексации восприятия коррупции [11];

- данные, полученные авторским коллективом в процессе реализации программы грантового исследования по

теме: «Методы выявления зон коррупционных рисков в условиях цифровизации форм контроля и управления учебным процессом в вузах» (2022 год), включая результаты анкетированных опросов.

Методы исследования: комплексное применение традиционных общенаучных подходов, в том числе: историко-правовой сравнительный анализ; логико-правовой анализ; контент-анализ нарративных источников; статистический метод, системно-структурный метод и иные методы.

Результаты

Анализ и оценка места Казахстана в страновой антикоррупционной политике на постсоветском пространстве

Анализ в данной части имеет большое значение для определения степени эффективности государственной антикоррупционной политики. Соотношение периодов подъема и спада показателей восприятия коррупции с состоянием, изменениями в государственных программах и планах борьбы или противодействия коррупции является одним из индикаторов определения

своевременности реагирования на меняющуюся конъюнктуру, качества государственных мер борьбы или противодействия коррупции.

По уровню коррумпированности в страновом рейтинге Казахстан демонстрирует достаточно глубокое поражение общества этим крайне негативным явлением

Страны постсоветского пространства, объединяемые ко времени суверенизации общей отправной точкой во времени, общей экономической, политической, правовой, культурной и иными составляющими государственность кластерами, на первый взгляд, должны были обладать равными потенциальными возможностями оказания противодействия коррупции. Природа и динамика коррупции в прежних союзных республиках должны были обладать общими признаками в большей мере, чем отличиями. Действительность оказалась несколько иной. Так, по данным международных рейтингов по индексу восприятия коррупции среди стран постсоветского пространства за период с 2012 по 2021 гг. динамика восприятия коррупции выглядит следующим образом (Табл. 1):

Таблица 1.

Рейтинг стран постсоветского пространства по индексу восприятия коррупции (2012 -2021 годы)

Позиция в международном рейтинге (по состоянию на 2021 г.)	Страна	Годы и позиция в международном рейтинге									
		2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012

13	Эстония	74	75	74	73	71	70	70	69	71	64
34	Литва	61	60	60	59	59	59	61	58	57	54
36	Латвия	59	57	56	58	58	57	55	53	53	49
45	Грузия	55	56	56	58	56	57	52	52	49	52
58	Армения	49	49	42	35	35	33	35	37	36	34
82	Белоруссия	41	47	45	44	44	40	32	31	29	31
102	Казахстан	37	38	34	31	31	29	28	29	26	28
105	Молдавия	36	34	32	33	31	30	33	33	35	36
122	Украина	32	33	30	32	30	29	27	26	25	26
128	Азербайджан	30	30	30	25	31	30	29	29	28	27
136	Россия	29	30	28	28	29	30	28	27	28	28
140	Узбекистан	28	26	25	23	22	21	19	18	17	17
144	Киргизия	27	31	29	29	28	28	27	24	24	17
150	Таджикистан	25	25	25	25	21	25	26	23	22	22
169	Туркмения	19	19	19	20	19	22	18	17	17	17

населения: Эстония, Литва,

Примечание. Индекс основан на независимых опросах с участием международных специалистов. Индекс – это оценка от «0» (максимальный уровень коррупции) до «100» (отсутствие коррупции).

Количество индексированных стран равно 190 [11].

Переломным моментом в переосмыслении антикоррупционной политики страны является 2025 год, ознаменованный принятием Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы, когда Казахстан фактически отказался от идеи борьбы с коррупцией, доминировавшей в 1998 -2015 гг. на основе ЗРК «О борьбе с коррупцией» [3]. Первые ощутимые результаты были получены только в 2019 году, когда уже были приняты два последовательных плана мероприятий по реализации указанной Стратегии (на 2015-2017 года и на 2018-2020 годы).

Анализ приведенных данных свидетельствует о следующем:

1. Страны, находящиеся в европейской части бывшего СССР, изначально обладают высокой антикоррупционной культурой

Латвия, Белоруссия, за исключением Республик Молдова и Украина. К ним близко примыкают республики Закавказья: Грузия, Армения. Традиционно высокий уровень коррумпированности присутствует в России и странах Средней Азии: Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения.

2. Незначительный спад уровня коррумпированности приходится на период пандемии: 2019-2020 годы. Это отчасти обусловлено объявлением карантина в этих странах, которое привело к резкому снижению количества непосредственных контактов потенциальных коррупционеров и массовым переходом на работу в режиме on-line, когда применение традиционных способов совершения коррупционных правонарушений стало невозможным.

3. В этот период темпы поступательного развития Казахстана в деле противодействия коррупции не отличались необходимой динамичностью. Реализация Стратегии была вялой, формальной, неэффективной.

Влияние причин роста коррупции в Казахстане на изменение подходов к построению политики противодействия ей

Комплекс причин устойчивости против коррупционности в каждой стране свой. Наряду с этим, отдельные причины обладают общим характером и в равной мере актуальны для ряда стран. Факторы, влияющие на динамику коррупционных правонарушений, нами условно подразделены на три группы: 1) историко-культурные; 2) политико-правовые; 3) социально-экономические. Их исследование предполагает корректировку мер противодействия коррупции с учетом характера влияния этих факторов на выбор подходов к построению взвешенной и результативной антикоррупционной политики.

В современных условиях традиционные способы борьбы с коррупцией не дают эффекта. Однако такое понимание сущности коррупции и ее живучести еще не означает бесполезности противодействия ей. Лауреат Нобелевской премии 1992 года, экономист из США Гэри Стэнли Беккер считает: «Если мы ликвидируем государство, мы ликвидируем коррупцию» [12]. Пессимизм создателя теории человеческого капитала отчасти оправдан и сохраняет свою значимость с точки зрения острой потребности человечества в эффективном инструменте противостояния коррупции. Коррупция в своем начальном этапе обусловлена процессами формирования государственности как таковой. Синхронность формирования государственных институтов и

коррупции – исторический факт. Коррупцию надо сдерживать путем изменения способов противодействия ее проявлениям. Социум, оценивая коррупцию как нежелательного спутника государства, требует от последнего решения задачи системного обновления арсенала подходов и способов противодействия.

Доводы в пользу гипотезы о взаимной обусловленности причин возникновения в целом, а также особенностей роста коррупции в отдельно взятой стране, о целесообразности изменения государственных подходов к построению политики противодействия коррупции: три направления научного поиска путей решения проблем противодействия коррупции.

Направление первое: исследование генезиса и причин коррупции, обусловивших высокий уровень ее устойчивости, по основаниям:

1) историко-культурные факторы, формирующие особенности становления и развития институтов государства при решении задач противостояния коррупции;

2) социально-экономические факторы, отражающие особенности формирования, становления и развития институтов государства в конкретно взятой стране;

3) политико-правовые факторы, способствующие совершению коррупционных правонарушений.

Эти группы в данном направлении характеризуются своей практической универсальностью в силу безграничной распространенности во всех странах, где проблемы противодействия коррупции носят

острый характер. Коррупциогенность тесно взаимосвязана со множеством структурных элементов, лежащих в основе государственного строительства. Это объясняет сходство этапов и стадий зарождения, рост коррупции в большинстве стран мира. Учет этого общего признака позволяет выработать меры противодействия коррупции, дающие ожидаемый эффект независимо от особенностей политического строя и экономики любой страны. Представляется, что это один из факторов, лежащих в основе формирования мировых правовых стандартов в области противодействия коррупции.

К историко-культурным особенностям генезиса коррупции исследователи относят традиции и обычаи [13]. Их устойчивость во времени и пространстве отчасти объясняется тем, что носители национальной культуры склонны к их идеализации, а также модернизации существующих интерпретационных вариантов. Например, «бакшиш» - обязательное традиционное подношение, чаевые в восточных странах. В современных условиях в тюркоязычных странах, где развит иностранный туризм, чаевые закладываются в программы сервиса (в отелях предусматриваются чаевые лифтеру, горничной, официанту, носильщику). Для представителя европейской страны – это «бытовая коррупция».

К политико-правовым факторам относятся:

- безответственность исполнительной власти перед законодательной и судебной ветвями власти;

- излишняя бюрократизация разрешительных процедур;

- отсутствие действенного общественного контроля за деятельностью органов публичной власти;

- отсутствие рационального распределения компетенций между государственными структурами;

- слабость и непоследовательность антикоррупционной политики;

- несовершенство антикоррупционной правовой основы;

- неспособность законодательного органа оперативно реагировать на новые вызовы, сопряженные с формированием новых зон коррупционных рисков;

- невосприятие национальным уголовным правом института уголовной ответственности юридических лиц, который успешно реализуется в ряде стран дальнего зарубежья, а также постсоветского пространства (например, в США, Франции, Германии, Португалии, Финляндии, Англии, Канаде, Шотландии, Дании, Китае, Молдавии, Латвии) [14]. Подвергая наказанию только физическое лицо, законодатель оставляет в целостности саму питательную среду, в которой совершались коррупционные правонарушения. Иными словами, зона коррупционного риска, будучи нетронутой, обладает тенденцией к самовоспроизводству и самомодификации, что влечет сохранение степени коррупционной угрозы.

К социально-экономическим особенностям, способствующим росту коррупции, относятся:

- наличие и нерациональная эксплуатация природных запасов,

имеющих стратегическое значение для экономики страны;

- нерациональная монетарная политика государства;

- рост теневой экономики;

- недостаточный уровень качества жизни преобладающего большинства граждан страны;

- восприятие коррупции как основного способа первоначального накопления капитала правящей верхушкой страны;

- широкое распространение вовлечения в сферу предпринимательства членов семьи чиновничества;

- безнаказанное уклонение от уплаты налогов.

Направление второе:

установление генезиса коррупции на основе применения научного метода типологии. Применение метода наглядно и убедительно помогает

доказать, что коррупция – это пирамида, разрушение которой требует совместных усилий как всех ветвей власти внутри государства, так и стран-партнеров, осуществляющих совместные проекты в политическом, правовом, экономическом и иных жизненно важных направлениях государственного управления.

Типологический анализ показывает, что наиболее распространенным видом коррупционных проявлений выступают отношения, связанные с патологической страстью к воровству («клептоманией»).

Наиболее часто применяемые криминологами типологии сводятся к следующим основаниям:

1) типология коррупционных отношений по степени своей распространенности (Рис. 1):

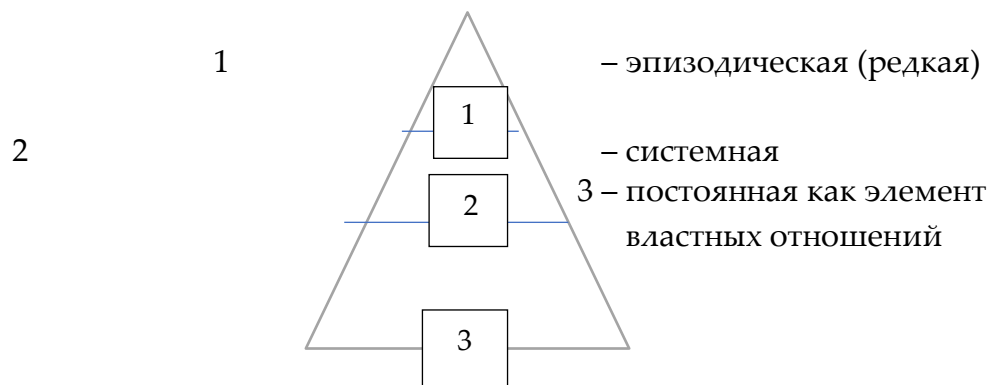
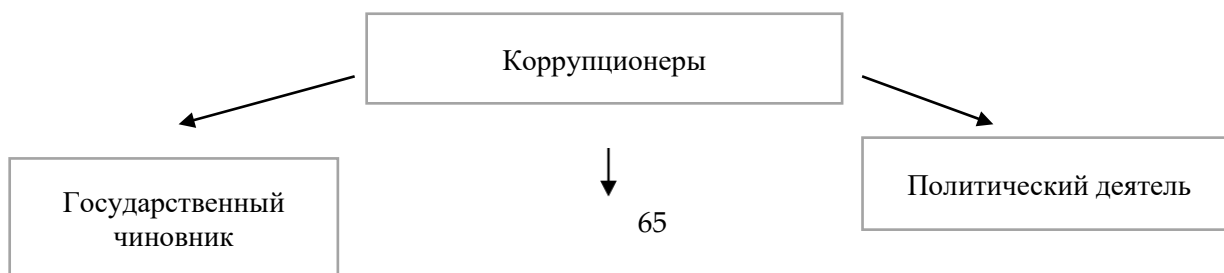

Рисунок 1. Типология коррупционных отношений по основанию: степень распространенности

2) Типология коррупционных отношений по виду деятельности коррупционера (Рис 2.):

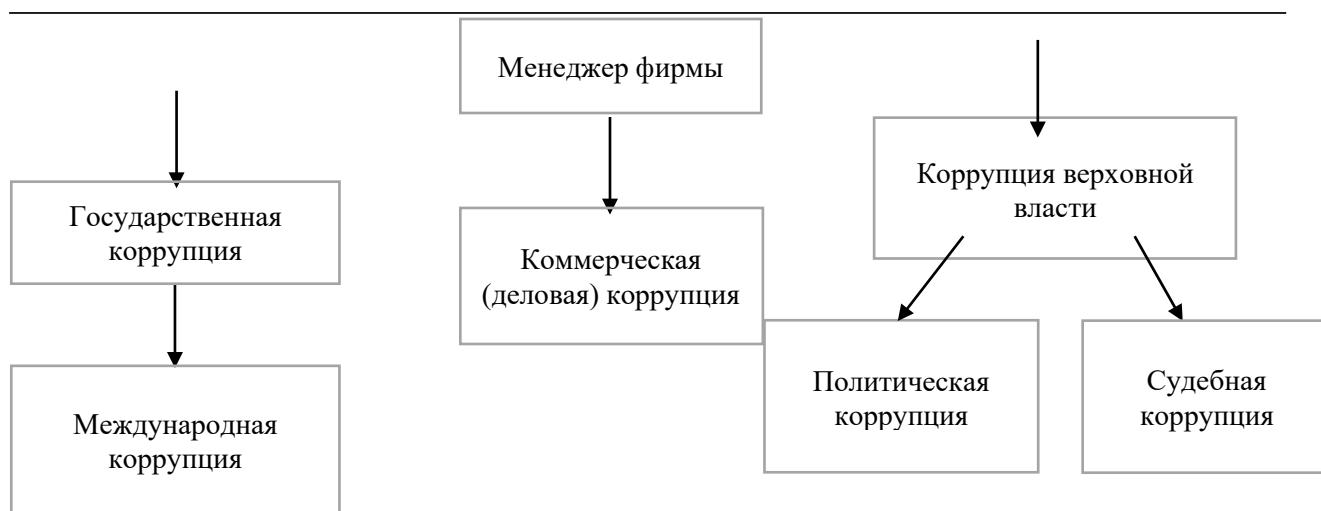

Рисунок 2. Типология коррупционных отношений по видам деятельности

В приведенных рисунках достаточно наглядно просматривается генетическая связь коррупции с преобладающим большинством институтов государства. Таким образом, изначально неверная оценка соотношения пользы и вреда от применяемых или избираемых способов, методов и приемов в общей системе государственного управления неизбежно порождает коррупцию. То, что мы условно обозначили как «неверная оценка соотношения пользы и вреда», необходимо более широко интерпретировать, добавив в его содержание: «намеренно искаженная, завуалированная оценка», нацеленная на получение собственных выгод небольшой группой заинтересованных лиц.

Направление третье: коррумпированность как явление обладает невероятно высокой способностью приспосабливаться к меняющимся условиям жизни и деятельности общества и государства в целом. Внешние (в том числе и международные), а также внутренние условия функционирования

государственных институтов, частного сектора экономики и др. меняются, согласно этому меняются характеристики субъектов коррупционных отношений, способов совершения и сокрытия следов коррупционных правонарушений. Доказанным фактом является то обстоятельство, что правоохранительные органы выполняют свои функции по противодействию коррупции чаще всего в режиме «post factum», когда правонарушение уже совершено. Здесь противодействие носит усеченный характер в том смысле, что создается преграда для дальнейшего преступного поведения субъектов, которые приобрели статус подозреваемых или обвиняемых.

Широкомасштабная цифровизация экономической, банковской, управленческой и иных сфер жизни и деятельности Казахстана привели, наряду с несомненными преимуществами, к формированию такого явления, как противоправное манипулирование информационно-коммуникационными технологиями. Правоохранительные органы оказались неподготовленными к противодействию

коррупции в среде, где применяются цифровые технологии с различной разрешительной способностью [15]. В антикоррупционной политике Казахстана появился новый вектор противодействия: формирование коррупционных отношений в вузовской системе в условиях всеобщего перехода на дистанционную форму обучения, компьютеризацию сфер управления и контроля за уровнем остаточных знаний [16]. При этом центр коррупционных отношений перемещается из преподавательской среды в среду подразделений, обеспечивающих разработку и внедрение в научный и образовательный процессы цифровых технологий, что подтверждается данными проведенного авторами социологического замера путем анкетированного опроса 2 287 обучаемых по двадцати вопросам применения цифровизации в университете.

На вопрос: Ваши индивидуальные навыки пользователя цифровыми технологиями, применяемыми в образовательном процессе, во время экзаменационных сессий позволяют вам легко и без последствий: (далее – варианты ответов), - дали ответы: а) обойти строгие правила и получить высокий балл – 55% опрошенных; б) научить «обходным маневрам» своих сокурсников – 9%; в) договориться с «нужными людьми» в пользу себя и сокурсников – 11%; г) ввести в заблуждение лиц, контролирующих ход экзамена в компьютерном зале – 8%; д) вывести из строя компьютерную программу и сорвать экзамен с тем, чтобы передача состоялась в традиционной устной форме – 5%; е) иное – 12 % (подкупить сотрудников

центра тестирования, подключить родственников и знакомых и т.п.). Одновременно были проанализированы данные по результатам сессий, которые показали, что при минимальных баллах по рубежным контролям № 1 и № 2 (минимум – 50,0 баллов при максимуме – 100,0 баллов), составляющих около половины обучаемых, полученные на экзаменах с применением цифровых технологий удовлетворительные оценки не превышают 10 -15% от общего числа экзаменуемых. Таким образом, оценки преподавателя по рубежным контролям оказались гораздо ниже, чем экзаменационные оценки, полученные на основе применения цифровых технологий.

При оценке мнений опрашиваемых относительно социальной сущности академической нечестности были получены ответы: а) это вид мошенничества или обмана в сфере образовательной и научной деятельности – 64%; б) это искусственный критерий, созданный для получения дополнительного дохода при передаче студентом экзамена – 10%; в) это способ мздоимства для нечестных преподавателей и сотрудников – 8%; г) академическая нечестность проявляется там, где отсутствует эффективный контроль за организацией образовательного процесса – 11%; д) пока существует высшее образование академическая нечестность будет процветать – 5%; е) затрудняюсь ответить – 2%.

Эти и иные данные говорят о том, что цифровые технологии содержат в себе угрозу формирования новых зон коррупционных рисков.

Обсуждение

Казахстан в условиях суверенизации в законодательном порядке принял ряд нормативных правовых актов, непосредственно направленных против коррупции. В частности, в ЗРК «О государственной службе» [4] закреплена обязанность государственных служащих: «незамедлительно доводить до сведения вышестоящего руководителя и (или) руководства государственного органа, в котором они работают, и (или) уполномоченных государственных органов о ставших им известными случаях готовящихся, совершаемых или совершенных коррупционных правонарушений» (п.13) ст.10); также «предупреждать коррупционные проявления со стороны подчиненных государственных служащих» (п.13-1) ст. 10). Отечественными исследователями высказывается мнение о том, что такой подход законодателя является весьма эффективным. В частности, Э. Э. Дуйсенов отмечает, что эффективность приведенных положений обусловлена тем, что за основу антикоррупционного поведения государственных служащих приняты концептуальные положения Стратегии «Казахстан-2050» и План нации «100 конкретных шагов» [17, с. 11]. С ним солидарна Н. Х. Калишева, которая полагает, что неременным атрибутом конституционализма является модель функционирования и взаимоотношений системы высших и местных органов, их статуса и деятельности. При этом утверждается, что одной из форм проявления конституционализма является определение принципов их организации

и деятельности. Отраслевые принципы, в частности, закреплены в законодательстве о государственной службе [18, с. 5 -6]. Как бы ни были безупречны приведенные позиции с теоретико-правовой точки зрения, нельзя не видеть того факта, что коррупция в среде государственных служащих характеризуется широкими масштабами. Нельзя согласиться с тем, что можно ожидать хоть какой-то положительный эффект от положений в ЗРК «О государственной службе», зафиксированных в ст.10. Это декларативные нормы, изначально лишённые функциональных признаков и обречённые на выполнение формальной роли «актуального атрибута» источника права.

В ЗРК «О государственных закупках» [6] закреплён принцип осуществления государственных закупок: «недопущение коррупционных проявлений» (п. 7) ст. 4). Правовой принцип в отраслевом источнике должен сопровождаться системой обеспечительных норм, а именно – системой гарантий. В нашем случае указанный принцип декларативен и не несёт функциональной нагрузки, не сопровождается обеспечительными нормами – гарантиями. При этом отсутствуют какие-либо предписания о порядке действий уполномоченных лиц при обнаружении ими коррупционных проявлений. Ценность такой декларации в вопросах антикоррупционной политики невысокая. Приведённые и сходные нормы в иных источниках права не обладают социальной значимостью, так как никого ни к чему не обязывают. С методологической точки зрения – это правовые «пустышки», обесценивающие

закон.

Смена подходов в вопросах антикоррупционной политики Казахстана усматривается в названиях двух законов: «О борьбе с коррупцией» (02.06.1998 г.); «О противодействии коррупции» (18.11.2015 г.). В 1998 –2015 гг. эта политика была определена подходом, ориентированным на осуществление борьбы с коррупцией с целью одержать полную и окончательную победу над ней. С ноября 2015 года антикоррупционная политика меняет подход: вместо борьбы - противодействие коррупции путем ведения постоянного и полного мониторинга с последующей выработкой своевременных мер по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений. Дальнейшее развитие нового подхода к содержанию антикоррупционной политики нами усматривается в ключевых положениях Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы (22.02.2022 г.) [1]. В данном акте отчетливо сформулированы следующие перспективы и тенденции развития антикоррупционной политики, вытекающие из анализа мирового опыта противодействия коррупции: 1) систематизация просветительских мероприятий, направленных на укрепление культуры добропорядочности в обществе; 2) стимулирование добропорядочности бизнеса; 3) вовлечение гражданского общества в реализацию государственной политики в области противодействия коррупции; 4) расширение доступа к информации о деятельности государственного аппарата и

обеспечение прозрачности принятия решений; 5) цифровизация как инструмент минимизации коррупции; 6) расширение социальных гарантий для государственных служащих; 7) предотвращение и урегулирование конфликта интересов; 8) повышение эффективности мер правового принуждения в гражданско-правовом, дисциплинарном, административно-правовом и уголовно-правовом аспектах [1].

Прямой интерес представляют положения раздела 5 Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы – «Основные принципы и подходы развития антикоррупционной политики». В частности, в качестве принципов антикоррупционной политики устанавливаются: 1) равенство всех перед законом и справедливость; 2) гласность, прозрачность и подотчетность обществу; 3) комплексное использование мер противодействия коррупции; 4) приоритетность превенции коррупции; 5) взаимодействие государства и гражданского общества; 6) эффективность и результативность; 7) неприятие коррупции во всех ее проявлениях; 8) защита лиц, оказывающих содействие в противодействии коррупции; 9) неотвратимость ответственности за коррупцию; 10) качественная цифровая трансформация [1]. Соблюдение указанных принципов, обладающих значительной правовой новизной, предполагает применение системы гарантий. Разработка таких гарантий лежит в плоскости различных отраслей права материального и процессуального содержания (конституционного,

уголовного, гражданского, административного и др.). Представляется, что данное направление, будучи одним из элементов в структуре нового подхода к формированию и реализации антикоррупционной политики Казахстана, также обладает большой научно-исследовательской перспективой.

Наряду с изложенным представляется, что продолжающаяся практика именовать антикоррупционную деятельность «борьбой с коррупцией», не отвечает современным социальным запросам. Так, А. Ахметова, Л. В. Половова в качестве главного условия обеспечения национальной безопасности продолжают считать «борьбу с коррупцией». Свое мнение они высказывали в 2017 году, то есть спустя два года после принятия ЗРК «О противодействии коррупции». Авторы даже не заметили, что понятие «борьба» как термин исключено из антикоррупционного лексикона. Аналогичная ситуация сложилась у А. А. Кабуловой, которая в 2018 году продолжала утверждать, что борьба с коррупцией в Казахстане значительно активизировалась [21]. К более поздним работам относится статья А. Мукашева (28.05.2020 г.), в которой автор осуществляет попытку выделить этапы формирования законодательства независимого Казахстана по вопросам «борьбы с коррупцией». Он утверждает, что первый этап охватывает период 1998-2015 гг., когда борьба с коррупцией стала приобретать государственное значение и национальное законодательство в этой части только

начинало формироваться. Вторым этапом охватывает 2015-2020 гг., когда законодательство о борьбе с коррупцией приобрело завершённый вид и его применение стало более результативным [22]. Соглашаясь с автором в подходах к периодизации в процессах становления и развития антикоррупционного законодательства, мы категорически возражаем против сохранения прежней (советской) терминологии в обозначении государственной политики как борьбы, а не противодействия коррупции. По прошествии пяти лет с момента принятия ЗРК «О противодействии коррупции» указанный автор не усмотрел никакой разницы в терминах: «борьба» и «противодействие», начало которым должно было быть положено с момента суверенизации Казахстана. Применительно к коррупционным отношениям процесс восприятия этих новелл затянулся до 2015 года. Наряду с этим, впервые в Казахстане о необходимости отказа от идеи борьбы с преступностью и ее замене на идею противодействия было заявлено еще в 1993 году Б. Х. Толеубековой. Она утверждала, что противостоять преступности означает, прежде всего, не борьбу с нею, а принятие неординарных мер, направленных на их сдерживание, раннюю профилактику, научное прогнозирование [19, с. 19]. Борьба, понимаемая как деятельность, направленная на расследование совершенного деяния, в лучшем случае – профилактика преступности, не отражает современных взглядов на сущность антикоррупционной политики, заключающейся в противодействии ей и выражающейся в сдерживании динамики на таком уровне,

когда она не является препятствием для в целом поступательного развития общества и государства.

Заслуживает внимания мнение А. Ж. Шпекбаева о том, что Казахстан «отошел от борьбы с последствиями коррупции и обращает внимание на выявление и устранение причин, условий коррупционных проявлений» (01.02.2022 г.) [23]. Мы усматриваем в этом отражение нового подхода в деле выработки и реализации государственной антикоррупционной политики: отказ от борьбы и восприятие противодействия коррупции.

Вызывает критический интерес отношение к меняющейся конъюнктуре в исследуемом вопросе со стороны российских исследователей. Так, С. Смирнов считает, что успехи Казахстана в противодействии коррупции за три последних десятилетия значительно ниже тех результатов, которые достигнуты в Сингапуре, Японии, Южной Корее за 5 -10 лет. Он обращает внимание на то, что принятые в целом достаточно сильные антикоррупционные документы в Казахстане не оказывают должного воздействия на состояние дел. Он иронизирует, когда сравнивает антикоррупционную деятельность в Казахстане с борьбой «нанайских мальчигов» [24]. Действительно, успехи Казахстана еще далеки от прогнозируемых и ожидаемых. Однако положение дел в РФ также не отличается надлежащим уровнем. Проблемы общие и решать их надо совместными усилиями стран-партнеров.

Коррупция на протяжении десяти и более лет не может оставаться неизменной, а это означает, что

антикоррупционная Стратегия по ряду своих позиций устаревает со временем, а новые коррупционные риски не будут охвачены Стратегией, утратившей свою актуальность. Отсюда пятилетний период охвата антикоррупционной политикой сфер жизни и деятельности Казахстана представляется более действенным способом своевременного отражения реальных потребностей страны в области противодействия коррупции.

Критический анализ планирования Правительством РК мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы и причины ее низкой эффективности

Хронология планов мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы включает три следующих темпоральных этапа: 1) 2015-2017 гг.; 2) 2018-2020 гг.; 3) 2021-2023 гг. Предполагаемый завершающий четвертый этап не состоялся в связи с утратой силы данной Стратегии одновременно с принятием Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы - с 2 февраля 2022 года.

Структура первого этапа - Плана мероприятий на 2015-2017 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы и противодействию теневой экономике [7] включала два раздела: общий и специальный. В общем разделе было предусмотрено семь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (25 пунктов); II. Внедрение института общественного контроля (6 пунктов); III.

Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (2 пункта); IV. Предупреждение коррупции в судах и правоохранительных органах (12 пунктов); V. Формирование уровня антикоррупционной культуры (7 пунктов); VI. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (4 пункта); VII. Мониторинг и оценка реализации стратегии (5 пунктов). Специальный раздел состоял из одного подраздела под названием: Противодействие теневой экономике (65 пунктов).

Самым сильным по своей содержательности был подраздел «Противодействие теневой экономике». Мероприятиями данного подраздела были охвачены такие мощные зоны коррупционного риска, как: управление проектами строительства; формирование бюджета; торговые рынки; экспорт алкогольной продукции и спирта; администрирование доходов физических лиц с высокими доходами; выявление и привлечение к юридической ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты налогов; владение недвижимостью и сдача ее в наем без уплаты сумм индивидуального подоходного налога; цифровизация таможенного контроля и внедрение электронного аудита при проведении таможенных проверок; мониторинг схем «теневых» финансовых услуг в отмывании денег; юридическая ответственность работодателей, осуществляющих прием на работу без заключения трудового договора; контроль за соблюдением стандартов при производстве нефтепродуктов; внедрение механизма исключения

посредников при поставке нефти на НПЗ от недропользователя до НПЗ; установление перечня документов, подтверждающих законность происхождения нефти, поступающей на переработку на НПЗ.

Было бы логичным предположить, что на следующих этапах структура планов мероприятий должна быть сохранена. Расширение подразделов возможно при появлении новых зон коррупционных рисков. Исключение подразделов возможно только в тех случаях, когда реализация мероприятия была исчерпывающей и отсутствует необходимость в продолжении антикоррупционных мероприятий в данном направлении.

Однако анализ второго этапа - Плана мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии на 2015-2025 годы [8] свидетельствует о нарушении ожидаемой логической последовательности в данной части.

Структура названного Плана теперь состояла только из одного раздела, в пределах которого были предусмотрены следующие семь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (20 пунктов); II. Внедрение института общественного контроля (10 пунктов); III. (Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (6 пунктов); IV. Предупреждение коррупции в судебных и правоохранительных органах (8 пунктов); V. Формирование уровня антикоррупционной культуры (13 пунктов); VI. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (6 пунктов);

VII. Мониторинг и оценка результатов стратегии (4 пункта).

Сравнение планов двух первых этапов показывает, что на втором этапе реализации стратегии уже нет специального раздела «Противодействие теневой экономике» (исключен постановлением Правительства РК от 29.12.2018 года); соответственно, из самого названия Плана мероприятий исключены слова: «и противодействию теневой экономике»; значительно сократилось количество мероприятий по подразделам (количество мероприятий показано в пунктах). Наблюдаемые изменения в структуре плана второго этапа реализации стратегии еще не говорят о том, что с «теневой экономикой» в Казахстане к началу 2018 года было покончено. Наше объяснение этих изменений состоит в следующем: реализация мероприятий (а их было 67 пунктов) непосредственно затрагивала личные интересы правящей верхушки, которые были нацелены исключительно на личное обогащение, в том числе незаконным путем. Сокращение объемов мероприятий также не является свидетельством исчерпанности проблем. В этой части нами также усматривается определенный частный интерес, реализации которого препятствуют плановые мероприятия.

Структура третьего этапа – Плана мероприятий на 2021-2023 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы [9] включала один раздел и восемь подразделов: I. Противодействие коррупции в сфере государственной службы (13 пунктов); II. Совершенствование

общественного контроля (3 пункта); III. Противодействие коррупции в квазигосударственном и частном секторах (2 пункта); IV. Предупреждение коррупции в судах и правоохранительных органах (3 пункта); V. Формирование системы добропорядочности и антикоррупционной культуры в обществе (4 пункта); VI. Противодействие бытовой коррупции (5 пунктов); VII. Развитие международного сотрудничества по вопросам противодействия коррупции (1 пункт); VIII. Мониторинг и оценка реализации стратегии (1 пункт).

Между планами второго и третьего этапов совпадают направления мероприятий по семи подразделам, за исключением одной редакционной правки: если на первом и втором этапах планировалось внедрение института общественного контроля, то на третьем этапе предусматривалось совершенствование института общественного контроля ввиду того, что общественный контроль был оценен как уже сформировавшийся и внедренный в социальную практику, теперь логично было бы его усовершенствовать. В структуру третьего этапа включен новый подраздел: «VI. Противодействие бытовой коррупции». Начиная с 2021 года «бытовая коррупция» официально признается как форма коррупционных проявлений, требующих противодействия. Хотя это явление имеет место в социальной практике с тех пор, как вообще противодействие коррупции стало предметом общегосударственного значения. Количество мероприятий (пунктов подразделов) по сравнению со вторым

этапом сократилось с 67 до 32.

Досрочный отказ от Антикоррупционной стратегии, наряду с иными значимыми причинами, был обусловлен его недостаточной эффективностью. Планы реализации стали приобретать все более формальный характер, никто из руководителей ведомств, ответственных за выполнение конкретных мероприятий, за их провал не понес какой-либо ответственности. Ни в одном из направлений всех трех этапов реализации Стратегии не усматривается действий, направленных на ужесточение или установление ответственности (хотя бы дисциплинарной) за невыполнение запланированных мероприятий.

Один из парадоксов рассматриваемой Стратегии состоит в том, что во Введении и в иных разделах данного акта говорится об актуальности «борьбы с этим негативным явлением», о мерах «борьбы с коррупцией» и т. п. Сквозным порядком по тексту Стратегии указывается именно «борьба с коррупцией», а не «противодействие ей». Данного факта достаточно для вывода о том, что прежний социалистический подход все еще оставался преобладающим. Однако справедливости ради необходимо обратить внимание на то, что в планах мероприятий по реализации Антикоррупционной стратегии направления подразделов сформулированы в русле противодействия, а не борьбы. Наряду с этим, за этой «парадной вывеской» ориентиры самих мероприятий на борьбу сохранились.

Основные выводы

1. Антикоррупционная политика

Казахстана за последние 25 лет, начиная с момента принятия в 1998 году ЗРК «О борьбе с коррупцией», претерпела значительные изменения, которые являются отражением процессов становления и развития новых подходов к усовершенствованию национальной системы противодействия коррупции. Период «пиратского» накопления капитала закончился. После январских событий 2022 года начался новый этап в модернизации национальной антикоррупционной политики, основанной на новом подходе - противодействии коррупции.

2. Прежняя социалистическая модель построения антикоррупционной политики была ориентирована на борьбу с коррупцией, а не на противодействие ей. Государственные акты, принятые до 2022 года, были актами долговременного действия и не могли учитывать всех конъюнктурных изменений в жизни и деятельности казахстанского общества, не обладали необходимой гибкостью. Превалировал формальный подход в деле нормативного ограничения коррупционных проявлений в решениях и действиях государственных служащих. На официальном уровне длительное время не признавались такие явления, как искусственное создание благоприятных, но противоправных, финансово-экономических условий для представителей властных структур и членов их семей.

3. Современные подходы к построению антикоррупционной политики должны отвечать следующим требованиям:

- законодательство должно быть гибким, соответствующим

международным антикоррупционным стандартам;

- законодательный орган должен оперативно реагировать на изменения социального, политического, экономического, культурного характера, которые обладают потенциальной возможностью способствовать росту

Статья подготовлена при финансовой поддержке Казахского национального педагогического университета имени Абая по грантовому

коррупции;

- антикоррупционные программы должны охватывать усредненный период времени своего действия с тем, чтобы уполномоченные органы имели возможность своевременно реагировать на новые вызовы коррупции.

проекту: «Методы выявления зон коррупционных рисков в условиях цифровизации форм контроля и управления учебным процессом в вузах» (2022 г.).

Список литературы

1. Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы. – Утверждена Указом Президента РК от 2 февраля 2022 года № 802//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (дата обращения: 12.04.2022 г.).

2. Антикоррупционная стратегия Республики Казахстан на 2015-2025 годы. – Утверждена Указом Президента РК от 26 декабря 2014 года № 986//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

3. О борьбе с коррупцией – Закон Республики Казахстан от 2 июля 1998 года//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

4. О государственной службе – Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

5. О противодействии коррупции – Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 29.12.2021 г.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302 (дата обращения: 14.04.2022 г.).

6. О государственных закупках – Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2015 года № 433-V ЗРК//<https://adilet.zan.kz>rus>docs> (дата обращения: 14.04.2022 г.).

7. План мероприятий на 2015-2017 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы и противодействию теневой экономике - утвержден постановлением Правительства РК от 14 апреля 2015 года № 234 //<https://adilet.zan.kz/P1500000234/links> (дата обращения: 22.08.2022 г.).

8. План мероприятий на 2018-2020 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы – утвержден постановлением Правительства РК от 31 марта 2018 года № 309//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> дата обращения: 22.08.2022 г.).

9. План мероприятий на 2021-2023 годы по реализации Антикоррупционной стратегии Республики Казахстан на 2015-2025 годы – утвержден постановлением Правительство РК от 24 августа 2021 года № 576. (утратил силу постановлением Правительства РК от 25 марта 2022года №

---

158)//<https://adilet.zan/kz/rus/docs/P2100000576> (дата обращения: 22.08.2022 г.).

10. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. – Утверждена Указом Президента РК от 15 октября 2021 года № 674//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 12.04.2022 г.).

11. Индекс восприятия коррупции//<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 11.04.2022 г.).

12. Беккер Гэри Стэнли//https://ru.wikipedia.org/wiki/Беккер,_Гэри (дата обращения: 14.04.2022 г.).

13. Платов Е. В. Причины коррупции в России//Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т. 16, № 4 (24)//<https://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online). (дата обращения: 14.04.2022 г.).

14. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты//Құқық және мемлекет, № 1-2 (74-75), 2017. – С.106-118.

15. Толеубекова Б. Х., Хведелидзе Т. Б. Признаки появления новых зон коррупционных рисков, обусловленных манипулированием цифровыми технологиями в вузе//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, № 63, 2022. Pp. 37-40.

16. Толеубекова Б. Х, Хведелидзе Т. Б., Сайлибаева Ж. Ю. Новая политика противодействия коррупции в Казахстане в контексте вузовского образования//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 3, № 64. Pp. 12-16.

17. Дуйсенов Э. Э. Законодательство о государственной службе в Республике Казахстан: некоторые новеллы и проблемы усовершенствования//Dogma, 2018, № 4 (06). – С. 10-17.

18. Калишева Н. Х. К вопросу о методологических аспектах конституционализма в модернизирующемся казахстанском обществе//Dogma, 2018, № 4 (06). – С.4-9.

19. Толеубекова Б. Х. Криминалистическая характеристика компьютерных преступлений (по материалам зарубежной печати). – Караганда: ВШ МВД РК, 1993. – 61 с.

20. Ахметова А. Р., Половова Л. В. Борьба с коррупцией – главное условие национальной безопасности (02.11.2017 г.)//<https://parvo.gov.ru/borba-s-korrupsiyey-glavnoye-> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

21. Кабулова А. А. Борьба с коррупцией в Казахстане (10.01.2018 г.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32503920@pos=4;-108#pos=4;-108 (дата обращения: 23.08.2022 г.).

22. Мукашев А. Как ведется борьба с коррупцией в Казахстане?//<https://cabar.asia/Главная/Аналитика> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

23. Шпекбаев А. Ж. Как Казахстан может избавиться от коррупции//<https://ru.sputnik.kz/>>Новости (дата обращения: 23.08.2022 г.).

24. Смирнов С. Коррупция в Казахстане – борьба нанайских мальчиков?//<https://www.ritmeurasia.org/news-2022-02-13---korr.> (дата обращения: 23.08.2022 г.).

Сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатты құрудың қазақстандық әдіснамасындағы жаңа аспектілер

Аңдатпа. Қазақстанның сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаты мемлекеттің қылмысқа қарсы іс-қимыл жөніндегі жалпыұлттық саясатының құрылымында маңызды орын алады.

Зерттеудің мақсаты: Қазақстан бұрын ұстанған күрестің ұзақ мерзімді стратегиясымен салыстырғанда қысқа мерзімді қарсы іс-қимыл тұжырымдамасында көрсетілген сыбайлас жемқорлыққа қарсы жаңа мемлекеттік саясаттың артықшылықтарын анықтау.

Қол жеткізілген нәтижелер: стратегиямен салыстырғанда елдің сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясатын тұжырымдамалау әдістемесі оның икемділігіне байланысты неғұрлым нәтижелі болып табылады, бұл конъюнктуралық өзгерістерге, өзекті әлеуметтік сұраныстарға уақтылы ден қоюға мүмкіндік береді; өмір мен қызметтің әртүрлі салаларын қарқынды цифрландыру жағдайында ІТ технологияларды қолдану қауіпсіздігі шаралары жүйесін құру жөніндегі тұжырымдамалық ережелерді түзетуді талап ететін сыбайлас жемқорлық тәуекелдерінің жаңа аймақтары қалыптасты.

Түйін сөздер: сыбайлас жемқорлыққа қарсы саясаттың әдіснамасы, сыбайлас жемқорлық тәуекел аймақтары, сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимылдың стратегиясы мен тұжырымдамасы.

B. Toleubekova, T.Khvedelidze, N.Kalkayeva

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan

New aspects in the approach to building anti-corruption policy in Kazakhstan

Abstract. The anti-corruption policy of Kazakhstan occupies an important place in the structure of the national policy of the state to combat crime.

The purpose of the study is to identify the advantages of the new state anti-corruption policy, expressed in the short-term concept of counteraction, compared to the long-term strategy of struggle, which Kazakhstan previously adhered to.

The main methods of research are a comparative description of approaches and results of Kazakhstan's anti-corruption policy, and the construction of a working hypothesis of the prospects for further improvement of the new model of anti-corruption policy in the transition from strategy to the concept.

Achieved Results: The conceptualization of the country's anti-corruption policy compared with the strategy is more effective due to its flexibility, allowing a timely response to any changes contributing to the growth of corruption.

Keywords: methodology of anti-corruption policy, zones of corruption risks, strat-

---

egy, and concept of combating corruption.

References

1. Kontsepsiya antikorrupcionnoy politiki Respubliki Kazakhstan na 2022-2026 gody. [Concept of anti-corruption policy of the Republic of Kazakhstan for 2022-2026.]– Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 2 fevralya 2022 goda № 802//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (accessed: 12.04.2022) [in Russian].
2. Antikorrupcionnaya strategiya Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody. [Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025.]– Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 26 dekabrya 2014 goda № 986//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000986> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
3. O bor'be s korruptsiyey. [On the fight against corruption] – Zakon Respubliki Kazakhstan ot 2 iyulya 1998 goda//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
4. O gosudarstvennoy sluzhbe [About Public Service]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 23 noyabrya 2015 goda № 416-V//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
5. O protivodeystvii korrupcii [On countering corruption]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 18 noyabrya 2015 goda № 410-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 29.12.2021 g.)//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33478302 (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
6. O gosudarstvennykh zakupkakh [On public procurement]– Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 dekabrya 2015 goda № 433-V ZRK//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (accessed: 14.04.2022) [in Russian].
7. Plan meropriyatiy na 2015-2017 gody po realizatsii Antikorrupcionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody i protivodeystviyu tenevoy ekonomike [Action plan for 2015-2017 on the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025 and countering the shadow economy]- utverzhden postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 14 aprelya 2015 goda № 234 //<https://adilet.zan.kz/P1500000234/links> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
8. Plan meropriyatiy na 2018-2020 gody po realizatsii Antikorrupcionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody [Action plan for 2018-2020 for the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025]– utverzhden postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 31 marta 2018 goda № 309//<https://adilet.zan.kz/rus/docs> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
9. Plan meropriyatiy na 2021-2023 gody po realizatsii Antikorrupcionnoy strategii Respubliki Kazakhstan na 2015-2025 gody [Action plan for 2021-2023 on the implementation of the Anti-Corruption Strategy of the Republic of Kazakhstan for 2015-2025]– utverzhden postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 24 avgusta 2021 goda № 576. (utratil silu postanovleniyem Pravitel'stva RK ot 25 marta 2022 goda № 158)//<https://adilet/zan/kz/rus/docs/P2100000576> (accessed: 22.08.2022) [in Russian].
10. Kontsepsiya pravovoy politiki Respubliki Kazakhstan do 2030 goda.[Concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan until 2030.] – Utverzhdena Ukazom Prezidenta RK ot 15 oktyabrya 2021 goda № 674//<https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>

(accessed: 12.04.2022) [in Russian].

11. Indeks vospriyatiya korrupsii [Corruption Perception Index]//<https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed: 11.04.2022). [in Russian]

12. Bekker Geri Stenli//[https://ru.wikipedia.org/wiki/Bekker, Geri](https://ru.wikipedia.org/wiki/Bekker_Geri) (accessed: 14.04.2022). [in Russian]

13. Platov Ye. V. Prichiny korrupsii v Rossii [Causes of corruption in Russia]//Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». 2018. T. 16, № 4 (24)//<https://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (Online). (accessed: 14.04.2022). [in Russian]

14. Naumov A. V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (doktrinal'nyye i pravotvorcheskiye aspekty [Criminal liability of legal entities (doctrinal and legal aspects)]//K. yk, zhane memleket, № 1-2 (74-75), 2017. – S.106-118. [in Russian]

15. Toleubekova B. KH., Khvedelidze T. B. Priznaki poyavleniya novykh zon korrupsionnykh riskov, obuslovlennykh manipulirovaniyem tsifrovymi tekhnologiyami v vuze [Signs of the emergence of new zones of corruption risks caused by the manipulation of digital technologies at the university]//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 2, № 63, 2022. Pp. 37-40. [in Russian]

16. Toleubekova B. KH, Khvedelidze T. B., Saylibayeva ZH. YU. Novaya politika protivodeystviya korrupsii v Kazakhstane v kontekste vuzovskogo obrazovaniya [New anti-corruption policy in Kazakhstan in the context of university education]//Znanstvena Misel, Slovenia, Ljubljana, Vol. 3, № 64. Pp. 12-16. [in Russian]

17. Duysenov E. E. Zakonodatel'stvo o gosudarstvennoy sluzhbe v Respublike Kazakhstan: nekotoryye novelly i problemy usovershenstvovaniya [Legislation on public service in the Republic of Kazakhstan: some short stories and improvement problems]//Dogma, 2018, № 4 (06). – S. 10-17. [in Russian]

18. Kalisheva N. KH. K voprosu o metodologicheskikh aspektakh konstitutsionalizma v moderniziruyushchemsya kazakhstanskom obshchestve [On the issue of methodological aspects of constitutionalism in a modernizing Kazakh society]//Dogma, 2018, № 4 (06). – S.4-9. [in Russian]

19. Toleubekova B. KH. Kriminalisticheskaya kharakteristika komp'yuternykh prestupleniy (po materialam zarubezhnoy pechati) [Forensic characteristics of computer crimes (based on materials from the foreign press)]. – Karaganda: VSH MVD RK, 1993. – 61 s. [in Russian]

20. Akhmetova A. R., Polovova L. V. Bor'ba s korrupsiyey – glavnoye usloviye natsional'noy bezopasnosti (02.11.2017 g.) [The fight against corruption is the main condition of national security (02.11.2017)]//<https://parvo.gov/ru/borba-s-korrupsiyey-glavnoye> (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

21. Kabulova A. A. Bor'ba s korrupsiyey v Kazakhstane (10.01.2018 g.) [The fight against corruption in Kazakhstan (10.01.2018)]//https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32503920@pos=4;-108#pos=4;-108 (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

22. Mukashev A. Kak vedetsya bor'ba s korrupsiyey v Kazakhstane? [How is the fight against corruption in Kazakhstan?]///[https://cabar.asia>Glavnaya>Analitika](https://cabar.asia/Glavnaya>Analitika) (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

23. Shpekbayev A. ZH. Kak Kazakhstan mozhet izbavit'sya ot korrupsii [How Ka-

---

zakhstan can get rid of corruption]]/https://ru.sputnik.kz/>Novosti (accessed: 23.08.2022). [in Russian]

24. Smirnov S. Korruptsiya v Kazakhstane – bor'ba nanayskikh mal'chikov? [Corruption in Kazakhstan - the fight of Nanai boys?]]/https://www.ritmeurasia.org>news-2022-02-13---korr. (accessed: 23.08.2022) [in Russian]

Сведения об авторах:

Толеубекова Б.Х. – доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции Института истории и права Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Хведелидзе Т.Б. – к.ю.н., асс.профессор кафедры юриспруденции Института истории и права Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Калкаева Н.Б. – к.ю.н., асс.профессор кафедры юриспруденции Казахского национального педагогического университета им. Абая, Алматы, Казахстан.

Toleubekova B.Kh. – Doctor of Law, Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abai Kazakh National Pedagogical University, *Almaty, Kazakhstan.*

Khvedelidze T.B. – Candidate of Law, associate professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abay Kazakh National Pedagogical University, *Almaty, Kazakhstan.*

Kalkayeva N.B. – Candidate of Law, professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of History and Law, Abay Kazakh National Pedagogical University, *Almaty, Kazakhstan.*